

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Злодейский образ
Михаила
Горевой.
Кадр
из фильма
"Умри, но
не сейчас".

Михаил Горевой:
"Я не хочу дожить
до старости"

Список Бонда!

Дата 18 ноября 2002 года должна быть записана золотыми буквами в историю российского кинематографа. В этот день в Лондоне состоялась премьера юбилейного, двадцатого фильма бондианы "Умри, но не сейчас", в котором впервые нашему актеру доверили сыграть довольно заметную роль второго плана. Как бы мы ни гордились сами собой, но давайте будем честными: "за

железным занавесом" ни наши фильмы, ни наши режиссеры и актеры практически неизвестны. А тут Михаил Горевой сыграл правую руку главного злодея. Его героя зовут Влад Попов, он русский изобретатель, сконструировавший адскую машину для уничтожения мира — что-то вроде громадного зеркала, которое якобы должно обогреть Землю из космоса, а на самом деле является мощным лазерным оружием.

— Вы сыграли в самом масштабном, самом известном сериале в мире. Можно представить, сколько людей завидует вам. А вы считаете себя счастливым?

— Да, мне повезло. И не только потому, что я снялся в этой замечательной картине. Мне в последнее время живется так, что за один год я успеваю прожить столько, сколько человек за жизнь не успевает. Но моя основная жизнь, моя боль, мой экстаз, мое возбуждение, мой крест по профессии — мой театр, который три года существует официально: "Фабрика театральных событий". У меня три спектакля: "О мышах и людях", "Последний Дон-Жуан", "Черта". У меня играют замечательные артисты: Гоша Куценко, Дима Харатьян, Саша Балуюев, Мишка Ефремов — мой ближайший друг. И вот теперь свалилось на меня еще и это замечательное событие — съемки в бондиане.

— Как вас вообще нашли?

— Через кастинг-центр, занимающийся поиском актеров для различных проектов. Это независимая база данных, в которой я значился просто как артист, владеющий английским языком. Ведь вот какой момент интересен: работа для русских актеров за границей есть. Там очень высоко ценят русскую актерскую школу. Но, конечно, надо знать язык. И меня просто вместе с другими актерами вызвали на пробу. Все было совершенно цивилизованно, никаких тут и не могло быть подставок. Пришел на пробу в Москве, материал отправили в Англию, и мне повезло.

— Как ваши 15-летняя дочка Маша и 11-летний сын Дима отнеслись к тому, что вы сыграли в сериале о Джеймсе Бонде? Зауважали?

— Во-первых, я и на премьеру поехал с сыном. Посмотрев, он молча подал мне руку. У нас с ним вообще в последнее время складываются очень тесные и правильные мужские взаимоотношения. Мы теперь живем вдвоем... И кроме того, он теперь знакомец Пирса Броснана, а их познаниями, он теперь у меня потихонечку лопочет по-английски, и в понедельник на банкете они уже вдвоем с Пирсом без меня о чем-то беседовали. Мадонна ему, правда, не очень понравилась. Он спросил у меня: "Что она такая маленькая?" Я ему говорю: "Дурной, может, она не велика росточком, но зато талант ее огромный". Она безумно обаятельная, она заполняет собой пространство.

— А вы сами с ней успели познакомиться?

— Я не могу назвать это знакомством. Мы вместе работали. Я не хочу выпендриваться. Да, я знаком с Холли Берри, Пирсом Броснаном, Мадонной. И для меня это важные знакомства. Но ни с Мадонной, ни с Берри мы врасло не целовались, да и как раз с ними у меня, правда, не случилось много работы, а с Пирсом — да, была, и мы с ним много разговаривали.

— То есть ходили после съемочного дня в ближайший бар пропустить стаканчик-другой?

— Поскольку это кино, будучи мегабюджетным, остается семейным (честь и хвала продюсерам Барбаре Брокколи и Майклу Уилсону), поэтому и атмосфера на площадке семейная: не регламентированные, а теплые отношения, никогда не было никакой ругани. Режиссер Ли Тамахори приезжал сюда, в Москву, к моему удовольствию, на премьеру. Я посоветовал ему захватить теплые вещи, потому что в Лондоне сейчас прекрасная погода. Великолепнейший английский артист, Тоби Стивенс, играющий самого главного злодея, — вот с ним мы даже подружались. И с Розамунд Пайк, играющей одну из девушек Бонды, мы с удовольствием общались — было, ходили вместе и ужинать. Режиссер со своей подружкой Сашей (она хорватка) несколько раз приглашали меня на ужин, который сами готовили. Все это люди абсолютно беспасфосные. И Пирс Броснан, имея все, будучи в десятке мировых актеров, при этом абсолютно беспасфосный мужчина.

— Вы упоминали о банкете. А зарубежные киношники также любят "заложить за воротник"?

— Нет, я не видел. Но я побывал на двух банкетах. Не видел ни скандалов, ни драк, никто мордой в салат не падал. Все при смокингах, при бабочках — причем бабочка, как мне объяснили, должна обязательно завязываться, а не болтаться на резиночке. Хотя, например, мой товарищ Тоби Стивенс, который главный злодей... Мы с ним снимались ночью, и было холодно. В один из этих холодных вечеров я прихватил с собой маленькую бутылочку коньячку, чтобы разогреться, и позвал Тоби, а он говорит: "Нет, не могу". Я: "Да чего там, по глоточку-то можно". Он говорит: "Не-а. Я даже пива не пью". У него, оказывается, были серьезные проблемы с алкоголем. У него отец — великий английский артист уровня Лоренса Оливье — погуб от этого дела...

— А кто-то интересовался тем, кто вы в России — звезда ли?

— Да, когда я приехал, все уже знали, что я серьезно занимаюсь театром, что у меня театр в Москве, что я не новичок. И Пирс тоже интересовался искренне моим театром, русской актерской школой...

— К вопросу об актерской школе: режиссер давал вам какие-то конкретные указания, чертил мелом шаги на съемочной площадке или же предлагал ситуацию и давал свободно ориентироваться в ней?

— Ли Тамахори — вдохновенный, профессиональный и талантливый режиссер. Он идет от актера. Когда мы с ним обсуждали с самого начала образ моего героя, я его спросил: "Как ты хочешь, чтобы он был совсем прикукукнутый, чокнутый профессор?" — "Нет-нет. Давай договоримся: это живой человек, но чуть-чуть ку-ку. Мало-мало". Когда я что-то предлагал по роли, он очень внимательно к этому относился. И иногда выходило по-моему. Однажды у нас даже вышел спор: он говорил, что в этой сцене надо было сделать так, я считал — по-другому. И тогда он сказал: "Давай сделаем и так, и так, а потом я решу". И мы сделали два дубля, и главное, что сейчас я не помню, какой он выбрал. Но я уверен, что он сделал все правильно. Я еще раз говорю: не ожидайте увидеть в картине какое-то торжество русской актерской школы. Как мой сын сказал: "Папа, ты говоришь там мало, но мелькаешь много".

— А вы знаете, что "Умри, но не сейчас" — самый рекламный фильм? Он собрал \$70 млн. на одной рекламе и побил мировые рекорды.

— Да, и мне подарили фирменные бондовские часы, в которых я снимался. Но я не светил ими специально. А вот, например, лейбл на свитере художник по костюмам затер шкуркой. Я не чувствовал себя рекламным щитом. Но в принципе то, что это самый "рекламный" в мире фильм, правильно. Это же Бонд!

— А вам еще какие-нибудь подарки делали?

— Делали. У них вообще принято так, что костюмы, в которых ты снимаешься, — они твои. Их не везут в костюмерные, и они потом не снимаются еще в 20 картинах, как у нас. То есть у меня там была такая клевая кожаная куртка, и мне ее отдали. Правда, если вещь в одном экземпляре — ее забирают. Например, малиновый свитер моего героя пошел в музей. Да, кстати, а на мой день рождения, который мы отмечали во время съемок, Пирс подарил мне свою фотку — ну не мне, конечно, а для моего сына.

— Насколько я знаю, вы любите "Ленинград", БГ, Сукучева. Не пытались приобщить того же Пирса Броснана?

— В примерке у каждого стояла музыкальная система. И я, конечно, слушал свои пластинки. В частности, Пирсу и Тоби я ставил группу "Ленинград" — песню "Агент 007". Причем Тоби тут же определил: "Это ска, ска".

— Как вы вживались в роль? Это было трудно?

— Да, предстояло логически оправдать человека, который работает на злодея, изобретает для него всяческие смертоносные штуки, но при этом не упасть. Нельзя играть плохого. Я был категорически против очередного "тупого злобного русского" — клише, известное на Западе. Это человек, который достаточно свободно говорит на английском языке, он изобретатель — Кулибин нашего времени. Да, ему хорошо платят. Корыстен, безусловно. Любит деньги — а кто их не любит?.. Между прочим, не забывайте: Андрей Сахаров сначала изобрел водородную бомбу, а потом стал великим правозащитником. Мне нужно было понять, где же я корыстен. Я искал это в себе и находил.

— То есть вы стали законченным негодяем и в жизни?

— У меня и раньше было амплуа обаятельных мерзавцев либо уже пограничные состояния, которые я называю: "Здравствуй, я профессиональный чудак". Кстати, это интересный вопрос в свете последних событий в моей жизни.

— Каких?

— Все не так просто, ничего не дается даром, за все приходится платить... Через две недели по возвращении из Англии после завершения съемок у меня разрушилась семья: жена ушла от меня к другому мужчине. Мы остались вдвоем с сыном. И это было достаточно тяжелым для меня испытанием. И в течение четырех месяцев я находился в кошмарном состоянии. Жизнь — она не состоит из одних только аллодисментов, цветов, удач. Это боль, не сравнимая ни с чем. Но Бог милостив — он не дал мне разрушить любовь в моей душе. Я верю в Бога, я верю в любовь. Любовь как мировоззрение, как состояние. И сейчас жизнь потихоньку налаживается, наши взаимоотношения потихоньку приходят в норму, хотя на самом деле это невыразимо тяжело. Мое собственное невнимание, мое неистовое занятие профессией, театром — да там много причин...

— Теперь в вашей жизни, наверное, все изменится: вас станут рвать на части кинорежиссеры и вы забудете про театр?

— Я профессиональный актер — прежде всего актер, — который и режиссером стал по недоразумению. Я заболел этой болезнью, и это та самая болезнь, от которой нет лекарства. Я начинал свою работу в театре черт знает когда — в прошлом тысячелетии! Начиная электросветильником, потому что не поступил с первого раза, и слава богу, потому что я имел возможность увидеть театр изнутри. Год я проработал осветителем и могу сказать, что знаю театр от трюмов (то, что в доме называется подвал, в театре — трюм) до колосников. Да, я профессиональный артист, я с удовольствием снимаюсь в кино, мне безумно нравится сам процесс, атмосфера, взаимоотношения людей. Мне все это нравится, но моя настоящая страсть — театр. Это процесс непрерывного существования на сцене в течение длительного времени — здесь и сейчас. Процесс общения актера со зрителем, обмен энергией — в этом и есть тот самый кайф, тот самый удивительный наркотик.

— То есть, если бы у вас был выбор между ролью Гамлета в театре и ролью Бонда в кино, вы бы выбрали Гамлета?

— Нет, я выбрал бы Бонда. Из корыстных соображений. Потому что "Гамлета" я поставлю потом сам в своем театре.

— Но все-таки вас заметили за границей — признайтесь: пара-тройка сценариев уже лежит на вашем столе?..

— Я надеюсь на продолжение. У меня теперь в Англии есть свой агент — спасибо Валере Николаеву, который дал мне телефон этого замечательного человека. И агент во время съемок "Умри, но не сейчас" подогнал мне еще одну работу: я снялся в сериале на BBC, который называется "Merfi's Law" — "Закон Мерфи". Этот фильм я уже посмотрел, в отличие от англичан, которые его смогут увидеть только в январе: продюсеры дали мне кассе-

ту. Это сериал про парочку полицейских, которые работают под прикрытием, то есть внедряются в различные банды, группировки, — в общем, такой английский вариант истории Шарапова. Там я опять играю злодея, такого русского гангстера в одной из лондонских банд. Но я его называю "сентиментальным гангстером". Он живой человек, любящий свою семью; просто он настолько сентиментален, что никак не может убить главного героя, хоть и ловит его несколько раз, потому что русский человек не может сразу понять: как же так, ты предал меня, мерзавец?! Только так я смог оправдать своего героя.

— Вы снимались и в российских сериалах: "Марс-Росейка, 12", "Остановка по требованию", "Каменская"... Ощутим контраст?

— Как ни удивительно, но вот зарубежный сериал и мегабюджетный проект — такой, как "Умри, но не сейчас", — они в чем-то похожи. И в первую очередь — своим отношением к актерам. Актер — это профессия; профессия очень сложная, очень жесткая и жестокая, потому что мы работаем со своим собственным самолюбием, со своими собственными амбициями и со своей гордыней и отношением к актеру на съемочной площадке нам очень важно. И в "Бонде", и в том сериале отношение к актеру просто удивительное. Причем не просто хорошее, а уважительное. Никто не целовал меня в спину. Могли подкалывать, пошутить, но при этом мне оказывалось внимание, уважение абсолютно удивительное. В этом вообще главное отличие нашего кинопроцесса от иностранного. Не говоря уже о таких вещах, как гонорары или, к примеру, технические возможности. Но у нас в этом смысле еще все впереди. "Все будет — в обмен на молодость", — как говорит мой друг Мишка Ефремов.

— А как в вашем театре отреагировали на то, что вас пригласили участвовать в таком масштабном проекте? Не было никакой зависти, ревности со стороны коллег?

— Нет, у нас никто в пудру стекло не сыплет. Все восприняли это с удовольствием и даже с какой-то гордостью. У нас очень хорошие, дружеские отношения. Наш театр сейчас переживает время расцвета. А поскольку я являюсь, с одной стороны, художником, владельцем, а с другой стороны — когда нужно — я и монтировщик, и уборщик, мне не запахло подмеси сцену или забить гвоздь. Хотя с гвоздем хуже: руками я ничего делать не могу. Один раз в жизни забил гвоздь, теперь палец болит — долбанул... Даже в доме: купил вешалку в прихожую, два дня ее прилаживал — потом оказалось, что я сделал ее на уровне головы, и все время приходилось об нее стучаться. Но потом позвали моего друга, у которого с руками все в порядке, и он все это дело исправил. Теперь я руками ничего не делаю, потому что это опасно для жизни.

— Вам было 27 лет, когда вы первый раз решили круто изменить судьбу: бросив все, уехали в Америку. Вы практически не знали языка, у вас был только диплом Школы-студии МХАТа... Зачем вы бросились в такую авантюру?

— Значит, моя жизнь, судьба моя такая. У меня не просто был диплом: я в тот момент работал в Театре Маяковского, я очень много играл, причем хороших ролей. Играл вместе с такими мэтрами, как Наталья Гундарева, Армен Джигарханян, Михаил Филиппов, Светлана Немоляева. Не знаю... Судьба-злодейка. Устал. Что-то во мне надломилось. Мне было интересно понять и почувствовать на себе, как люди живут там, как они существуют, и я подумал: ну, в конце концов, елки-палки, дай-ка я попробую. Меня вот так вот волтузит по жизни.

— Вы работали там чуть ли не мойщиком посуды...

— Посуду не мыл, но и пищу крутил, и такси водил, был и официантом, и ассистентом-переводчиком Авангарда Леонтьева в школе по системе Станиславского под руководством Олега Табакова, в Бостоне...

— Но почему же вы тогда вернулись на родину, если все так хорошо повернулось?

— Как раз поэтому мне все быстро наскучило. Америка на самом деле очень жестко структурированная страна. Американская мечта: собственный дом, уютная старость... — меня совсем не привлекает. Я не хочу дожить до старости. Тем более стать заложником американской мечты. Самое основное для меня — моя профессия. Тот, кто хотя бы однажды испытал катарсис, находясь на сцене, понимает — это совершенно неопишное наслаждение, это кайф, просветление. Это как наркомания. Почему старых артистов на кресле-каталке привозят на сцену? Да за дозой, за своим кайфом. И у меня начались ломки. У меня не было слез, я только истерически кашлял. Здесь все развивалось стремительно, вдохновенно и яростно. Здесь — вкусная жизнь, наполненная пестицидами и переживаниями. А там яблоки — такие же, как помидоры. Как будто на токарном станке вырезаны... Может, зря я так говорю, но я русский актер — и это диагноз.

— Роль в бондиане можно сравнить с покупкой нового автомобиля. А в рваных ботинках в новый автомобиль не сядешь. Чувствуете, что вы должны как-то соответствовать своему новому положению?

— Нет, надо ходить в удобных и чистых ботинках — это самое главное. Надо оставаться самим собой.

Константин ЗАЙЦЕВ.

Наш герс с сыном после лондонской премьеры.